

УДК 27
ББК 86.37
Ш84

Перевод с латинского *Н. Цветкова*

Предисловие *С. Лозинского*

Разработка серии *Е. Соколовой*

Оформление переплета серии «Зарубежная классика» *Н. Ярусовой*

Оформление переплета серии «Книги-легенды» *В. Щербакова*

Шпренгер, Якоб.

Ш84 Молот ведьм / Якоб Шпренгер, Генрих Крамер ; [пер. с лат. Н. Цветкова]. – Москва : Издательство «Э», 2016. – 480 с.

ISBN 978-5-699-52139-5 (Зарубежная классика)

ISBN 978-5-699-90770-0 (Книги-легенды)

Этот любопытный исторический документ был составлен доминиканскими монахами Якобом Шпренгером и Генрихом Крамером в качестве пособия для коллег по инквизиционному цеху. Как распознать и выследить ведьму, как проводить «допросы третьей степени» и вести делопроизводство – со ссылками на авторитетные источники от Аристотеля до Иоанна Златоуста и более чем занятыми случаями из практики. Знаменитый трактат XV века по демонологии сегодня читается легко и с интересом.

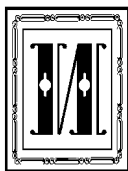
УДК 27
ББК 86.37

ISBN 978-5-699-52139-5 (Зарубежная классика)
ISBN 978-5-699-90770-0 (Книги-легенды)

© Оформление.
ООО «Издательство «Э», 2016

ПРЕДИСЛОВИЕ

Роковая книга Средневековья

известный богослов II века Ириней, автор влиятельного сочинения «Пять книг против ересей», был, по-видимому, первым христианским писателем, пытавшимся установить правовое отношение между богом и Христом с одной стороны и дьяволом — с другой.

По учению Ириней, дьявол получил право власти над человеком в тот момент, когда человек под влиянием обольщения и искушения нарушил божеские предписания и совершил грех. Разумеется, обольщение и вовлечение человека в грех являются преступлением дьявола, насильственно вмешавшегося в сотворенную богом область, но раз человек добровольно дал себя обольстить и отошел от бога, дьявол получил *полное право господства над человеком*. Бог мог бы лишить дьявола плодов его преступного вмешательства, но по своей неизреченной справедливости он этого не делал и предоставил дьяволу право на уже раз обольстившегося человека. Это право должно было быть отнято у дьявола человеком, который таким же добровольным путем освободил бы себя от обольстительной силы дьявола и тем лишил бы последнего права господства над человеком. Так было бы восстановлено первоначальное правовое отношение между тварью и ее творцом, и дьявол был бы побежден и более не обладал бы властью над человеком.

Но добровольное освобождение из-под власти дьявола превосходит-де силы человека, и вступился Спаситель, который должен был быть человеком, так как добровольное освобождение человека должно было идти по пути права, законного возвращения человека из-под власти дьявола в лоно божества. Но Спаситель должен был быть больше, чем человек, так как дело шло о том, что превосходит человеческие силы. Дьявол мог быть побежден лишь совершенным, абсолютным повиновением Иисуса: из-за греха одного человека все люди стали греховны, а в силу совершенного повиновения одного все люди очистились от греха. Смертью Спасителя люди освободились от власти дьявола и последний был пленен. Но дьявол совершил ошибку: он принял Христа, который был безгрешен, за греховного человека, и впадение в эту ошибку привело дьявола к поражению. Так как дьявол первоначально не имел права на человека, то Иисус, собственно, вернул творцу то, что ему принадлежало с самого начала.

Правовая теория Ириней (ум. в 202 г.) нашла энергичного и неутомимого защитника в лице Оригена (ум. в 254 г.), доказывавшего, что дьявол был обманут Спасителем. Получив в силу греха власть над человеком, дьявол мог вернуть ее лишь взамен какого-либо возмездия, эквивалента; таковым была кровь Спасителя. Так смерть Спасителя стала средством уничтожить силу дьявола: человечность во Христе была приманкой, на которую оказался так падок дьявол, и он, подобно крысе, попал в мышеловку. Не заметив божественной силы Христа, скрывавшейся под человеческой оболочкой, дьявол проглотил вместе с мясом и ангельскую божественность, и богослов Григорий Назианзин (ум. в 390 г.) радуется, что дьявол остался в дураках. Стремясь за мнимо смертным, дьявол, по словам папы Григория Великого (см. его объяснения в книге Иова, так назыв. *Moralia*), потерял тех смертных, которые были в его власти: «так гонишься за тенью и теряешь наличие». Ту же мысль подробно развивал в сочинении «Точное изложение православной веры» крупнейший представитель греческой церкви VIII века Иоанн Дамаскин. По его словам, дьявол был

побежден потому, что вынужден был изрыгнуть раз проглоченное, когда он почуял запах непогрешимого животворящего тела. И вплоть до Петра Ломбардского (ум. в 1164 г.), изображающего искупителя на кресте в виде мышеловки, церковные проповедники и писатели варьируют на разные лады основную мысль Ириней о потере дьяволом дальнейшего господства над людьми и об искуплении, как об освобождении человека из-под власти дьявола.

Какие глубокие корни пустила эта теория об обманутом Христом дьяволе, можно видеть, например, из того, что даже в XV веке в Германии вышла книга из кругов, близких Маркионитским общинам, являвшаяся как бы правовым диспутом между Христом и дьяволом на тему о праве власти того и другого над людьми. Книга озаглавлена: «Ein Gerichtzhandel zwischen Belial hellishen Verweser, als Klager einen Tail, und Jesus Christus himmlischen Gott Antworte» («Правовой спор между Белиалом, управляющим преисподней, в качестве жалобщика с одной стороны, и Иисусом Христом, небесным богом, ответчиком с другой стороны...» Страсбург, 1484).

Так Ириней ввел дьявола в церковную догматику, определив ему в ней точное место. Ириней же принадлежит и ясно выраженная мысль о том, что дьявол создан подобно другим ангелам, что он по природе своей добр, обладает свободной волей и мог бы творить одинаково доброе и злое, но по собственной воле и вине стал злым и творит одно лишь злое. Он «злоупотребил» своею свободою ввиду присущих ему гордыни, надменности и чванства, а также в немалой степени зависти за эти свойства он, по словам Оригена, был низринут с неба на землю и превратился в своего рода падшего ангела. Особенно сильно разгорелась его зависть, когда он убедился, что у Адама и Евы имеются дети; он увлек поэтому Каина на убийство брата, любезного богу, и благодаря этому стал родоначальником смерти, продолжающейся и ныне. Кроме указанных свойств, на падение дьявола с неба влияла еще и его непомерная похоть, причина падения столь многочисленных ангелов, гнавшихся за дочерьми смертных. От сожительства с ними падших ангелов произошли «недостойные

небожительства» демоны, помощники и сотрудники дьявола, рыскающие по свету и причиняющие людям много зла. По словам Иринея, падение дьявола произошло в период между сотворением человека и его искуплением, причем падший ангел телесен, хотя тело его «менее физически» обычного человеческого тела.

По убеждению богослова II века Татиана, тело дьявола и демонов состоит из воздуха или огня. Будучи «почти телесными», дьявол и его помощники нуждаются в пище, и Ориген утверждает, что они «жадно глотают» жертвенный дым. Они умственно и физически богаче одарены, нежели обыкновенный смертный, и ошибочно предполагать, учит Татиан, что они — души умерших. На основании расположения и движения звезд они предвидят будущее, а также обладают потаенными знаниями, которые охотно открывают женщинам.

Последнее положение подчеркивается Климентом Александрийским, великим учителем церкви конца II века в его сочинении «Строматы» (Разноцветные ковры).

Наравне с падшими ангелами, армию дьявола составляли языческие божества древнего мира, превратившиеся в процессе развития христианства в презренных и коварных демонов. Подобно тому, как в Персии при переходе от старого язычества доисторических иранцев к религии Зороастра прежние боги, носившие имя «дева», стали дьяволами, подданными губительного Аримана, и их культ был запрещен, а самое имя «дева» стало употребляться для наименования дьявола, точно так же греко-римские божества, как и слово «даймон», некогда обозначавшее божество, были низведены торжествовавшим христианством с божественного пьедестала и низринуты в пучину дьявольской преисподней.

Для христиан бывшие боги стали дьяволом и демонами, т.е. превзойденными божествами, не поспевающими за колесницей истории, богами отсталыми, богами прошлого, мнимыми и ложными богами и, как всякие пережитки, они потеряли свою божественность и превратились в ее противоположность. «Для всех отцов церкви первых трех веков, — пишет Сольдан, — не было сомнения, что боги греков и римлян были демонами... это *их* голос звучал в

оракулах; это они вникали в птиц и животных, в храмовые статуи» и т.д.

Но христианин может заставить дьявола и демонов, этот хлам древнего мира, сознаться, что они вовсе не боги, а лишь *мертвые боги, реально, однако, существующие*.

Недаром они проявляют себя в своем старом образе и в христианском мире.

Так, знаменитый турецкий епископ св. Мартин, живший в IV веке, часто видел демонов в образе Юпитера, Меркурия, Венеры и Минервы; гораздо позже, через несколько столетий, епископ Райнальдо из Ночеры беседовал с демоном, явившимся к нему в лице Юпитера, а также Бахуса и Венеры. Точно так же ученый XIII века Вильгардо из Равенны имел случай столкнуться с ушедшими в область преданий богами, ставшими ныне дьяволами; однажды они предстали перед ним в образе любимых Вильгардо писателей древности — Virgiliya, Горация и Ювенала. Греко-римское происхождение дьявола побудило однажды Ермолая Барбаро, умершего в 1493 году патриархом Аквилеи, обратиться к дьяволу с просьбой разъяснить ему, что означает аристотелевский термин «энтелехия».

Осведомленность дьявола должна была быть, по мнению целого ряда богословов Средневековья, крайне обширной, ибо вся древняя премудрость, по сути своей ложная, но крайне разнообразная и поражающая своей пестротой, является детищем этих ныне превзойденных и ставших дьяволами богов. И не только в древней науке эти дьяволы сильны и опытны; они создали и всю материальную культуру древности и, следовательно, являются удивительно ловкими мастерами, зодчими и художниками.

Отсюда — необыкновенные способности черта, дьявола.

Это им была построена в царствование императора Адриана стена между Англией и Шотландией; ему принадлежит необыкновенная постройка моста в Шелленене (Швейцария); это он соорудил мост через Дунай в Регенсбурге, через Рону при Авиньоне и т.д. Его искусство в этом отношении так велико, что он вступил в состязание с архангелом Михаилом в деле сооружения в Нормандии самой красивой

церкви. Мало того, из «Легенд веков» Виктора Гюго известно, что дьявол стал спорить с самим богом, кому из них удастся создать самую красивую в мире вещь. И в то время, как дьявол, засучив рукава, стал в своей кузнице ковать прекраснейшую вещь, бог из паука создал солнце, и дьявол был посрамлен. «Мертвый» бог, бог отошедшего прошлого, поганный бог, конечно, мог быть только побежден настоящим, действительным, живым богом.

Однако, будучи всезнайкой и всесторонним искусником, дьявол все свое внимание и все свои необыкновенные способности сосредоточивает на том, чтобы как можно больше вредить человечеству, как можно сильнее ударить по людям, как можно глубже подорвать власть бога над людьми и подчинить их своей сатанинской власти. В этом отношении нет различия между происхождением того или иного демона: падший ангел и бывший римско-греческий бог преследуют одну и ту же цель, обладают одними и теми же свойствами; основная черта их деятельности — причинение зла, вредительства, *малефициум*. Вот почему их, с точки зрения их основной деятельности, следует называть *малефиками* (зловредителями).

Их вредительство чаще всего проявляется через людей, которых они наделяют особыми способностями, направленными ко злу, и которых обычно называют колдунами, кудесниками, чародеями, волхвами, прорицателями, заклинателями и т.п. Непосредственно или через колдунов дьявол всегда и везде старается причинить людям физические страдания, насылает засуху, неурожай, голод, чуму, мор, проказу и иные бедствия — правда, *по попущению божьему*. И нравственное зло имеет своим источником дьявола и его помощников: они насаждают язычество и заставляют язычников смотреть на них, как на божество. От них исходят толкование примет и знамений, умение угадывать, равно как разные магические фокусы, чародейство, колдовство и астрология. Они враги христианской веры, толкают людей на ереси и язычество; по их наущению происходят самые жестокие гонения на христиан и на их веру. По учению св. Киприана, бывшего в III веке главою церковей

проконсульской Африки, дьявол является созидателем всякого церковного раскола и ереси.

И для крупнейшего авторитета раннего Средневековья, для блаженного Августина (ум. в 430 г.), языческие боги, которым римляне приносили жертвоприношения, были на самом деле демонами, реальное существование которых бесспорно, но злая воля которых теперь, в силу торжества христианского вероучения, может быть смягчена и ослаблена не жертвоприношениями, а христианским *экзорцизмом*¹. Без этого средства дьявол может вызвать всякие болезни и напасти, неурожай, засуху и голод. Августин же твердо уверен в возможности превращения человека в животное и говорит, что дьявол может настолько исказить лицо какого-либо человека, что окружающие принимают последнего за то или иное животное. Это предположение Августин сопровождаёт и другим: возможно, говорит он, что окружающие видят не самого человека, а его «фантастикум», отделившийся от него, как то происходит во сне, и принявший в силу вмешательства дьявола образ определенного животного. Этот «фантастикум» принимается Августином за незыблемый факт, ибо за него говорят бесконечные случаи во сне, когда от человека отделяется и уносится в бесконечное пространство его «фантастикум». По существу, Августин ставит знак равенства между душой и «фантастикомом», распространяясь на тему превращения последнего в образ животного или какого-либо человека под влиянием чародейственных сил дьявола.

Может ли и тело, подобно душе-«фантастикому», носиться по воздуху? У апостола Павла, вознесшегося на третье небо, Августин не находит точного ответа на этот вопрос и поэтому оставляет его открытым.

Не решается Августин положительно ответить и на вопрос о том, может ли дьявол сотворить новое существо; не зная, какой дать ответ, Августин говорит, что скрытое в элементах семя дьявол «хорошо видит» и из этого семени, ис-

¹ Т.е. изгнанием дьявольщины из человека, в котором засел дьявол. — См. ниже.

пользуя свое умение, он «быстро» сколачивает нужное ему животное, хотя оно им и не создается. В этом случае демон напоминает и некоторых людей, которые из разных веществ могут создать червей и мух. Он полагает также, что было бы «бесстыдством» отрицать возможность плотских сношений дьявола с женщиной — ввиду многочисленных заявлений о таковых сношениях. Разумеется, всякие дьявольские напасти, как говорит Августин, происходят с божьего попущения, с разрешения бога, как это вытекает из общего учения о зле, попускаемом богом.

* * *

Подлежит ли колдун наказанию? Поскольку колдун, как орудие злой воли демона, *причиняет людям вред*, порчу, зло, насылает на них всякие беды и несчастья, отнимает у них сон и спокойствие, лишает их пищи и удовольствия, он еще *в древнем мире* подлежал, как всякий преступник, суровому наказанию, *в меру своего преступления*.

Чем больше вреда он приносил, чем значительнее был его малефиций, тем беспощаднее была постигавшая его кара и тем явственнее торжествовала свою победу принцип справедливого возмездия. Так как колдун находился во власти богов прошлого, служил им, то всякое поклонение отжившим богам, которые в силу своей «превзойденности» превращались в злых, преступных демонов, было в античном мире наказуемо и наказание колдуна носило с внешней стороны религиозный оттенок, хотя, по существу, оно было чисто светским.

Демонослужителя или идолопоклонника (что было одно и то же) *наказывали не за грех, не за веру в отжившего бога или в его изображение* — икону или идол, *а за его преступление*, совершенное по наущению мстящего миру бога прошлого, отставшего от «нынешней» культуры. Если римские императоры преследовали христиан, то в этих преследованиях не было религиозного момента: христиане находились во власти злых богов, демонов и идолов, которые в силу своей

природы толкали их на преступление, за что христиане и терпели соответственные наказания.

Такое же отношение к колдунам воспринял *на первых порах* и христианский мир: возврат к идолопоклонству, который теперь означал веру в римские божества, наказывался потому, что старые боги в качестве демонов и дьявола могли подстрекать отпавших от христианства лишь ко злу, к причинению людям одних лишь бедствий и несчастий. Так как смерть от отравления особенно сильно поражала окружающих, то колдунов стали отождествлять с отравителями, и малефиций часто даже назывался венефицием, т.е. ядовредительством.

Однако если светская власть должна была преследовать преступных колдунов как убийц и прочих вредителей, то и церковь, боровшаяся за рост своей паствы, не могла относиться безразлично к отходу отдельных ее членов; отход ведь был тем более опасен, что мог совершаться безнаказанно, если идолопоклонник не совершал никаких вредительских актов, несмотря на своего злого искусителя.

Неудивительно, что церковь постепенно начала включать отпавшего члена в разряд и церковных преступников, на которых должны распространяться духовные наказания. К последним относились в качестве особенно тяжких отлучение от церкви и отказ в причастии перед смертью грешника; для церкви при этом не играл существенной роли размер преступления вернувшегося к старому богу преступника. Церковь наказывала *не за вред*, нанесенный обществу, и не за преступление, причиненное человеку, а *за отпадение от церкви*, за отступление от слова божьего, отступление, могущее и не сопровождаться уголовным преступлением, малефицием. В круг колдовства — малефиция — входили магия, прорицательство, гадание, обворожение и т.п., причем колдун мог действовать через заклинание или всякими иными средствами, которые ему «подставлял» дьявол.

Собор 306 г. в Эльвире самым суровым образом осуждает колдовство, ввиду того, что оно возможно лишь в силу возврата человека к идолопоклонству. На этой же точке зрения стояли соборы 314 г. в Анкире и 375 г. в Лаодикее, указывав-

шие, что представители духовенства зачастую занимаются колдовством, изготавливают амулеты и становятся заклинателями, гадателями и математиками.

С этого момента ряд соборов останавливается на страшном колдовском преступлении и включает в него поклонение деревьям, скалам, камням, источникам и т.п. Провинциальный собор 551 г. в Элюзе не ограничивается уже духовными карами и требует наказания плетью для колдунов низкого и рабского звания. Нарбонский собор устанавливает продажу в рабство свободного человека, впавшего в идолопоклонническое колдовство. Таким образом, с середины VI века мы видим, что церковь требует *двойного наказания колдуна и привлекает* к его наказанию и *светскую власть*. Само преступление является таким, которое касается обеих властей; оно смешанное — *delictum mixti fovi* — даже в том случае, когда колдун не причинил вреда, не совершил maleficia.

Эти постановления соборов, равно как и аналогичные заявления папы, не могли не просачиваться в светское законодательство, хотя последнее стремилось иметь дело лишь со «зловредными деяниями» колдунов, с учинением ими порчи тому или иному человеку, по жалобе которого и свершался суд над колдуном. Частный характер раннесредневекового суда, где инициатива и обвинение исходили от пострадавшей стороны и где отсутствовал принцип общественного обвинения, как нельзя лучше гарантировал этот суд от преследования таких колдунов, которые, по учению церкви, были отчаяннейшими преступниками, но своими действиями не вызывали жалоб и не подавали пострадавшим повода к обращению к суду за наказанием гадателя, метателя жребия, ясновидца, вязателя узлов, математика и всякого иного безобидного вида колдовства.

Оставляя в огромном большинстве случаев вне поля своего зрения не причиняющих вреда колдунов, светский суд в то же время осуждает тех, которые творят насилие над летающими по ночам женщинами, которых называют *стригами*, *ламиями* или *масками* и которым приписывают такие ужасные преступления, как высасывание внутренностей из живых людей или пожирание малых детей.

Светское законодательство считает *безумием* все эти *рос-сказни* и предостерегает от веры в них, подчеркивая, однако, факт существования колдунов как зловредителей (малефиков), так и таких, которые своим колдовством не причиняют людям особого ущерба. Эдикт лонгобардского короля Ротара 643 г. прямо запрещает христианам верить тому, что женщины могут быть вампирами и высасывать внутренности из живых людей, и приказывает судьям не допускать, чтобы заподозренные в таком невозможном преступлении женщины убивались *безумцами*. Карл Великий пошел гораздо дальше Ротара и в своем первом саксонском капитулярии от 787 г. говорит, что смертная казнь должна постигнуть того, кто, одуроченный дьяволом, верит, подобно язычнику, в существование пожирающих живых людей стриг или ламий и на этом основании убивает этих несчастных *мнимых* преступников.

Так светское законодательство проводит резкую грань между колдовством и «языческим безумием». Колдун — реальность, он несет с собою малефиций своему ближнему и подлежит как вредитель суровому наказанию; вампир — стрига, ламия или маска не существуют и являются бредом одуроченных дьяволом отдельных безумцев, совершающих тяжелые насилия над мнимыми преступниками, за что сами должны подлежать ответственности перед законом.

Но если светский суд отмежевывал себя от народных безумий, то церковные взгляды, наоборот, все более и более приближались к «народному безумию» и вскоре овладели и светским судом.

До IX века светское законодательство упорно ставило ударение на вреде, учиняемом колдунами, и в меру этого вреда устанавливало для малефика то или иное наказание; с момента же ослабления светской власти и усиления церковной начинается выпячивание религиозного характера преступного колдуна. Его ждет наказание не только за то, что он учинил ущерб людям, но и за то, что он совершил богохульство, впал во власть демона, преклонился перед силой языческого начала, и степень наказания, определяемая светским судом, соответствует все более и более величине *греха*, а не *преступления*: убийство, совершенное без

специфической примеси колдовства, может быть наказано менее сурово, чем гадание или заговаривание, в котором ярко сказался элемент дьявольского наваждения.

Так светский закон, ища сближения с церковью, впитывает в себя канонические элементы и не только предлагает церкви свой карающий меч, но и сам проникается ее духом и отклоняется от прежнего взгляда, видевшего в преступнике-колдуне вредителя, а не грешника.

Это загрязнение светской мысли церковными началами имело роковые последствия, когда церковь не только все более и более стала выпячивать греховный характер колдовских преступлений, но и санкционировала, расширяла и углубляла народное безумие, связанное с представлением о летающих стригах, пожирающих живых людей вампирах и живущих половой жизнью с дьяволом женщинах, способных оборачиваться в самых разнообразных животных, — все эти безумные бредни, которые так определенно и резко осудил император Карл Великий и еще до него лонгобардец Ротар.

Народные верования, осужденные как безумие светским законодательством, были, как мы уже видели, настолько близки Августину Блаженному, что он говорил о полетах, о вознесении (*raptus*) человека, если не его тела, то во всяком случае его «фантастикума», принимавшего под влиянием дьявола внешний вид телесного существа.

Несмотря на огромный церковный авторитет Августина, его рассуждения о дьяволе, изложенные в «Дьявольской натуре» и «Прорицательстве демонов», не получили широкого освещения в теологической литературе до середины VII века, когда, опираясь на учение Августина, епископ Исидор Севильский написал свою богословскую энциклопедию, названную «Этимологиями». В этом сочинении Исидор подробно говорит, как колдуны вызывают град, дождь, засуху и иные перемены в природе, как они владеют умением оборотить одно животное в другое, человека в волка и другого зверя; все это для него совершенно бесспорно, хотя он и ссылается лишь на язычников, например на римского поэта Горация и некоторых других. Что касается летающих ламий

или масок, пожирающих и похищающих детей и являющихся *демонами, сделанными из людей* (ex hominibus daemones facti), то Исидор более знает о них из слухов, чем из достоверных фактов, хотя и имеет мало оснований не доверять этим слухам. Относительно же половой жизни демона с женщиной Севильский епископ дает более определенные данные: в этом, по его мнению, сомневаться нельзя, хотя снова у него делаются ссылки только на язычников. Этими рассуждениями церковь, в лице одного из самых видных своих авторитетов, сделала шаг в сторону народного «безумия» и усвоила его наиболее характерные черты.

Исидор Севильский не мог быть обойденным, и его «Этимологии» позднее комментировались и дополнялись рядом богословов, причем все они принимали его рассуждения о ламиях, вампирах, сожительстве с дьяволом как установленные данные, не подлежащие сомнению. В этом духе писал Рабан Мавр, известный майнцский архиепископ IX века; то же утверждал, в качестве последователя Исидора, реймский архиепископ Гинкмар, и вся богословская литература полна описаний страшных злодеяний дьявола и его бесчисленной демонской рати.

Народная фантазия обогащается учеными измышлениями, схоластическими ухищрениями и языческой мифологией. Богословская мысль питается народными суевериями и в свою очередь сеет в народе фанатизм, безумие и ужас. Как из рога изобилия, льются на обезумевшее человечество комментарии к великим учителям, рассказывающие о небывалых и неслыханных дерзостях и злодеяниях дьявола. Одно его деяние страшнее другого, и монахи изоощряют все свои способности, чтобы изобразить самый фантастический подвиг ставшего героем целой эпохи дьявола. Аббат Гиберт из Ножана передает, что его собственный отец подпал под чары дьявола и потому он, Гиберт, родился на семь лет позже, чем должен был родиться. В эти семь лет отцовской импотенции к матери Гиберта явился однажды ночью дьявол в образе мужчины, готового вступить в связь с ней; однако дьявол был своевременно прогнан добрым духом, заинтересованным в сохранении нравственной чистоты матери Гиберта.

Умением прогонять дьяволов, являвшихся к женщинам в образе мужчин, особенно отличался знаменитый проповедник Бернард из Клерво. Он много способствовал оживлению в XII—XIII веках учения Августина Блаженного, благодаря Бернарду стали популярны в народе наиболее безумные деяния демонов и дьявола.

Не менее ужасные вещи рассказывает в своем «Поликратике» Иоганн из Сольсбери, большой знаток сочинений Августина и Исидора. С Иоганном по части дьявольских ужасов соперничает Петр из Блуа, распространяющийся на тему о том, как, по указанию дьявола, женщины изготавливали глиняные фигуры, а также грязевые и через их посредство мучили своих врагов или вселяли любовь в души тех, кого любили. Из ряда нормадских монастырей распространялись по северной Франции такие ужасы, что потребовалось вмешательство папы для успокоения монастырской братии и всего населения. То же имело место в знаменитом Корвейском монастыре, откуда исходили фантастические бредни, которым, по словам аббата Вибальда из того же Корвея, не стал бы верить даже язычник. Теперь стали принимать как нечто достоверное то, что гунны произошли от демонов, что жители острова Кипра являются детьми дьявола, принявшего вид мужчины и вступившего в половую связь с женщиной. Такой дьявол уже и раньше стал называться инкубом (сверху лежащим), в противоположность дьяволу, принимавшему вид женщины и называвшемуся суккубом (лежащим снизу). Об английском короле Мерлине говорили, что он родился от инкуба и дочери-монашенки английского короля, и Вальтер говорит о целом ряде лиц, родившихся точно таким же образом.

Вопрос об инкубах и суккубах делается излюбленной темой теологической мысли, и Вильгельм Парижский посвящает ей особенно много внимания; пигмеи, фавны, оборотни-волки и гиены, все они разные демоны и полудемоны, самым коварным образом распоряжающиеся судьбой людей. Фавн, по его мнению, есть смертное, не вполне демоническое существо, родившееся от инкуба и женщины.